

УДК 343.238:343.235.7:343.222.7

DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(6).1002-1009

ИНСТИТУТ МНОЖЕСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛЬНОГО ИЗМЕРЕНИЯ

Г.В. Верина*Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация*

Информация о статье

Дата поступления

1 февраля 2019 г.

Дата принятия в печать

25 ноября 2019 г.

Дата онлайн-размещения

26 декабря 2019 г.

Ключевые слова

Институт множественности;
множественность преступлений;
множественность участников
преступлений; множественность
потерпевших от преступления;
глобализация; интеграция;
общественная опасность

Аннотация. Происходящие в настоящее время в мировом пространстве процессы глобализации экстраполируются не только на общественно полезную, но и социально вредную деятельность человека, в том числе преступную. Уголовно-правовой институт множественности также развивается в данном направлении, несмотря на то что в современном российском уголовном законодательстве его концептуальной основой служит теория множественности преступлений. Наблюдается тенденция переоценки российским законодателем явления множественности потерпевших от преступления, однако в научных исследованиях практически отсутствует интегрированный подход к комплексному познанию множественности преступлений, множественности участников преступления и множественности потерпевших от преступления — различных проявлений феномена множественности. Научная потребность в проведении исследований подобного рода обусловлена пиком общественной опасности схождения в одной точке всех трех видов множественности. Рассмотрение проблемы множественности под таким углом зрения в контексте прогнозирования объективной необходимости научных изысканий и эволюции уголовного законодательства имеет не только теоретическое, но и практическое значение. В статье реализована постановка проблемы целесообразности трактовки уголовно-правового явления множественности в глобальном измерении. Особое внимание уделяется потерпевшему от преступления в структуре уголовного закона и уголовно-правовых отношений. Обобщение российского и зарубежного законодательного и научного опыта позволило показать значимость потерпевшего для уголовного права и сделать выводы о том, что потерпевший входит в систему уголовно-правовых отношений, без потерпевшего утрачивается смысл существования уголовного закона и, как следствие, уголовного права в целом, ибо первоочередная задача уголовного закона России — защитить, охранить от преступных посягательств. Эта задача обосновывает перенос центра тяжести с наказания виновного (как одного из средств обеспечения задач уголовного закона) на восстановление прав потерпевшего. Комплексный учет множественности преступлений, множественности участников преступления и множественности потерпевших от преступления создаст платформу для наиболее правильной и полной оценки уровня общественной опасности преступлений, позволит выстраивать с учетом этого фактора конструкции составов преступлений, квалифицирующие признаки и типовые уголовно-правовые санкции. Реализация данных идей в законодательной и правоприменительной практике будет способствовать восстановлению социальной справедливости как одной из целей уголовного наказания и наибольшей результативности претворения в жизнь уголовно-правового принципа справедливости.

INSTITUTE OF MULTIPLICITY IN CRIMINAL LAW: STATING THE PROBLEM IN ITS GLOBAL DIMENSION

Galina V. Verina*Saratov State Law Academy, Saratov, the Russian Federation*

Article info

Received

2019 February 1

Accepted

2019 November 25

Available online

2019 December 26

Abstract. The current processes of globalization are projected not only on the publicly beneficial, but also on the socially harmful human activities, including criminal ones. The criminal law institution of multiplicity is also developing in this direction, although its conceptual basis in modern Russian legislation is the theory of multiple crimes. The current trend of Russian lawmakers is to re-assess the phenomenon of multiple victims of a crime, but theoretical studies lack an integral approach to a complex study of multiple crimes, multiple crime participants and multiple victims as various manifestations of the phenomenon of multiplicity. The scientific necessity of conducting such research is proven by the peak public danger of the situation when

Keywords

Institute of multiplicity; multiple crimes; multiple participants of crimes; multiple victims of crime; globalization; integration; public danger

all three types of multiplicity converge at one point. The analysis of the problem of multiplicity from this standpoint, while predicting the objective necessity of scientific research and the evolution of criminal legislation, has both theoretical and practical value. The author states the expediency of interpreting the criminal law phenomenon of multiplicity in its global dimension. Special attention is paid to the victim of crime in the structure of criminal law and criminal law relations. The summary of Russian and international legislative and research experience made it possible to show the value of the victim for criminal law and to conclude that the victim is part of criminal law relations, that without the victim the meaning of criminal law, and criminal legislation in general, is lost because the primary task of Russian criminal law is to protect and guard against criminal infringements. This task proves that the center of gravity should be moved from punishing the culprit (as one of the means of fulfilling the tasks of criminal law) to restoring the rights of the victim. Taking into account the complex of multiple crimes, multiple participants and multiple victims will create a platform for the most correct and comprehensive assessment of the level of public danger of crimes, will make it possible to establish formal elements of crimes, their qualifying features and typical criminal law sanctions. The implementation of these ideas in the legislative and law enforcement practice will contribute to the restoration of social justice as one of the goals of criminal punishment and the maximum effectiveness of enforcing the criminal law principle of justice.

«Глобализация, — отмечает профессор Б.С. Эбзеев, — есть объективная реальность. Обычно ее связывают с качественно более высокими уровнями интегрированности, целостности и взаимозависимости мира» [1, с. 25–26].

На новый виток интегрированности выходят научные знания и законодательство, в том числе система уголовно-правовых научных воззрений и уголовно-правовых норм, иными словами, уголовное право в ипостасях как науки, так и отрасли права. Важно отметить то, что интеграционные процессы происходят не только в сфере востребованного отечественной наукой и практикой международного опыта, но и на уровне национальных правовых систем, поскольку проводятся совместные исследования специалистов различных отраслей знаний, что расширяет возможности познания того или иного феномена. Внутри одной отрасли знаний также осуществляется поиск ответов на злободневные вопросы, поиск истины с использованием комплексных подходов. Процесс интеграции, таким образом, носит многоступенчатый характер, одной из ступеней которого следует признать комплексное изучение различных самостоятельных институтов уголовного права, ранее привычно занимавших свою обособленную нишу в системе отдельно взятой отрасли знаний. Обусловленный тенденцией глобализации научный интерес к проблеме стирает территориальные границы. Отрадно отметить, что сей интерес носит двусторонний характер: российские ученые стремятся к познанию зарубежных правовых систем и научных достижений и, наоборот, зарубежные ученые интересуются

российским правом и научными разработками в данной сфере. Так, Дж. Флетчер обосновывает притягательность российского уголовного права следующим образом: «Между различными системами уголовного права на самом деле существует гораздо больше общего, чем мы привычно полагаем. <...> Скрытое единство не лежит на поверхности, а находится под глубоким пластом законодательных положений и судебных решений и проступает в ходе дискуссий, ведущихся практически в каждой стране, имеющей свою правовую культуру» [2, с. 8].

Вместе с тем ученые признают глобализацию «осевой проблемой... главным противоречием и даже главным конфликтом XXI века» [3, с. 7]. Процессы глобализации происходят и в сфере преступности, которая на сегодня в результате интеграции приобрела транснациональный характер, что подтверждается Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности (принята резолюцией 55/25 Генеральной ассамблеи от 15 ноября 2000 г.), в ст. 1 которой отмечается: «Цель настоящей Конвенции заключается в содействии сотрудничеству в деле более эффективного предупреждения транснациональной организованной преступности и борьбы с ней»¹.

Мировые тенденции криминального характера экстраполируются и на срез преступности отдельно взятого государства. Ученые подни-

¹ Конвенция против транснациональной организованной преступности : принята в г. Нью-Йорке 15 нояб. 2000 г. резолюцией 55/25 на 62-м пленар. заседании 55-й сес. Генер. ассамблеи ООН // Собрание законодательства РФ. 2004. № 40. Ст. 3882.

мают проблему безопасности России в условиях глобализации и предлагают пути ее решения. Так, В.В. Гордиенко отмечает, что в Конституции Российской Федерации необходимо закрепить право человека на безопасное проживание, подразумевающее состояние защищенности человека и среды обитания от криминальных угроз [4, с. 12]. Данный аспект проблемы безопасности в связи с последними событиями в г. Магнитогорске Челябинской области, г. Шахты Ростовской области все больше актуализируется.

По мнению В.С. Ишигеева и А.А. Протасевича, буквально все сферы общества пронизаны влиянием криминальной среды, преступность поразила все слои общества (от уличного маргинала до губернатора и министра), действия преступников становятся более агрессивными, жестокими и организованными [5, с. 159]. Отечественное законодательство реагирует на данные вызовы, как правило, введением или усилением уголовной ответственности за отдельные преступления, в частности преступления против общественной безопасности, жизни и здоровья личности и т.д. В законодательных новеллах последних лет находит также отражение влияние интеграционных процессов на характер и объемы причиняемого вреда, тенденция консолидации лиц, деяния которых направлены на причинение глобального вреда. Примером может служить проведенная Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ² криминализация склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ). Особо следует выделить установление повышенной уголовной ответственности за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства в отношении двух или более лиц (п. «в» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ) и группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «г» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ), что подчеркивает наиболее высокую степень общественной опасности преступлений названного рода при таковых обстоятельствах. Таким образом, в одной части одной статьи уголовного

закона совмещены множественность потерпевших от преступления и множественность участников преступления. Такое сочетание, видимо, не является случайностью законодательной техники. Более того, можно предположить, что на законодательном уровне нашла отражение одна из тревожнейших тенденций современной преступности, не знающей границ, в том числе и благодаря информационно-телекоммуникационным сетям (их использование расценивается в качестве квалифицирующего признака анализируемого преступления — п. «д» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ), когда становится возможным удаленно, виртуально объединить усилия двух или более лиц на причинение вреда также двум или более лицам.

Между тем в отечественной уголовно-правовой доктрине множественность исследуется, как правило, с точки зрения категории преступления и, соответственно, ассоциируется с институтом множественности преступлений [6]. Однако в современных объективных реалиях явление множественности в контексте уголовного права приобретает более глобальный характер. С учетом процесса интеграции в рамках настоящей научной статьи есть основания заявить о необходимости исследования феномена множественности с позиций более масштабных, нежели принято в современной теории уголовного права России. Выдвигая данную научную гипотезу, можно также предположить, что «мир» множественности в этом ключе не является исключением. Дальнейшие исследования подтвердят или опровергнут данную гипотезу.

Институты множественности преступлений и соучастия в преступлении в современной российской уголовно-правовой науке исследуются обособленно, в качестве самостоятельных феноменов. Потерпевшие от преступлений не удостоиваются объективно необходимого внимания в научно-исследовательском уголовно-правовом пространстве, тем более в контексте явления множественности в уголовном праве. Вместе с тем нельзя не отметить докторскую диссертацию Н.Э. Мартыненко, посвященную уголовно-правовой охране потерпевшего [7]. Однако в большей степени обозначенная проблема вызывает интерес криминологов. В частности, ей посвящены коллективная монография по виктимологической характеристике региональной преступности [8], докторские диссертации В.И. Задорожного по концептуальным основам виктимологической профилактики

² Собрание законодательства РФ. 2017. № 24. Ст. 3489.

преступлений [9] и Т.В. Варчук по теории виктимологического моделирования [10], а также другие научные труды. В исследованиях зарубежных авторов потерпевший особое место занимает в криминологическом профайлинге (профилировании) [11; 12]. Уголовное право проблему потерпевшего незаслуженно обделяет вниманием. Более того, в отдельных публикациях на уголовно-правовую тематику высказываются суждения о том, что потерпевший вовсе не уголовно-правовая категория (тем паче проблема). Так, по мнению некоторых авторов, «потерпевший должен быть выведен за пределы уголовного правоотношения» [13, с. 146].

С такой позицией нельзя согласиться прежде всего потому, что уголовные правоотношения хоть и возникают, как отмечал профессор И.С. Ной, между судом и лицом, признанным судом виновным в совершении преступления [14, с. 8], но возникают-то они в связи с тем, что закон не смог обеспечить надлежащую уголовно-правовую охрану прав и свобод личности, интересов общества и государства. Нет объективной необходимости вдаваться в более глубокую полемику в рамках настоящего труда (это тема для отдельного разговора), долго доказывать и убеждать сторонников представленной выше позиции в их неправоте, достаточно задуматься над вопросом: «Для чего создан уголовный закон?» Ответ очевиден: «Для охраны прав и свобод, интересов личности, общества и государства». Напомню положения ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации: «Задачами настоящего Кодекса являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений»³. И именно для осуществления данных задач созданы уголовно-правовые нормы, изобретены и продолжают развиваться институты уголовной ответственности и уголовного наказания. Как представляется, потерпевший в сравнении с лицом, виновным в совершении преступления, первичен для уголовного права, ибо главенствующая задача уголовного закона России — защитить, охранить от преступных посягательств, а наказание лица,

совершившего преступление, есть основания рассматривать в качестве средства обеспечения данной задачи. В связи с этим уместно привести суждение Б.Т. Разгильдиева о том, что наказание входит в число целого ряда уголовно-правовых средств, решающих задачи уголовного законодательства [15, с. 117]. И нельзя переоценивать роль уголовного наказания в решении названных задач. Подобная идея, несмотря на все отличия в правовых системах и научных теориях, высказывается и зарубежными авторами. Так, Sonya Goshe утверждает, что укоренившаяся «философия необходимости» продвигает мировоззрение, переоценивающее способность наказания обеспечивать безопасность и справедливость [16, p. 25].

Цели уголовного наказания также подтверждают значимость потерпевшего в контексте уголовно-правовых отношений восстановительного свойства. Так, согласно ст. 43 УК РФ, одной из целей уголовного наказания является восстановление социальной справедливости. Социальная справедливость в определенном смысле восстанавливается не только и не столько, когда лицо, совершившее преступление, признается преступником в установленном законом порядке и ему назначается справедливое наказание, сопряженное с претерпеванием определенных лишений и ограничений, соответствующих характеру и степени общественной опасности совершенного преступления и личности виновного, а с восстановлением морально-психологического спокойствия населения, авторитета закона, нарушенных преступлением общественных отношений, прав и свобод человека и гражданина. Однако в российском уголовном праве существует некий перекосяк в сторону лица, совершившего преступление. Даже формулируя принцип справедливости, законодатель забывает о потерпевшем: «1. Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. 2. Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление» (ст. 6 УК РФ)⁴. Справедливость в контексте прав и свобод потерпевшего должна найти отражение в воспроизведенной законода-

³ Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : (ред. от 27 дек. 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : (ред. от 27 дек. 2018 г.).

тельной дефиниции: восстановление нарушенных прав потерпевшего должно стать одним из важнейших аспектов принципа справедливости. Образчиком решения данного вопроса может служить предложенный Н.В. Анисимковой проект дополнений к ч. 1 ст. 6 УК РФ: «Уголовное законодательство РФ призвано обеспечить подержание справедливых отношений в обществе. Нарушенные в результате совершения преступления права и свободы человека подлежат восстановлению либо компенсации» [17, с. 8]. Подобный шаг законодателя позволил бы поднять на должный уровень значимость потерпевшего для системы уголовного права.

На сегодня положения о потерпевшем в российском уголовно-правовом пространстве представлены разрозненно. Вместе с тем это вовсе не означает, что значимость потерпевшего для отечественного уголовного законодательства нулевая. Так, помимо контекста задач уголовного закона, фигура потерпевшего принимается во внимание при конструировании составов преступлений (как основных, так и квалифицированных), например: беспомощное состояние потерпевшей играет роль одного из альтернативных признаков в основном составе преступления «изнасилование» (ч. 1 ст. 131 УК РФ), а малолетний возраст потерпевшей положен в основу квалифицированного состава «изнасилование потерпевшей, не достигшей четырнадцатилетнего возраста» (п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ). Более того, законодатель уделяет внимание и множественности потерпевшего: в частности, предусмотрена уголовная ответственность за убийство двух или более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ), причинение смерти по неосторожности двум или более лицам (ч. 3 ст. 109 УК РФ), доведение до самоубийства двух или более лиц (п. «в» ч. 2 ст. 110 УК РФ), склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства в отношении двух или более лиц (п. «в» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ), нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц (ч. 5 ст. 264 УК РФ) и т.д. Проиллюстрированное нормативно-правовое решение демонстрирует процесс осмысления российским законодателем повышенной степени общественной опасности преступлений, в результате которых причиняется вред множественности потерпевших.

Мнение потерпевшего принимается во внимание при рассмотрении вопроса об освобождении

от уголовной ответственности, например, в связи с примирением с потерпевшим по правилам ст. 76 УК РФ, по специальному основанию, предусмотренному примечанием к ст. 122 «Заражение ВИЧ-инфекцией» УК РФ, и т.д. Личность потерпевшего и его поведение учитываются в качестве обстоятельств, смягчающих и отягчающих уголовное наказание виновного в преступлении лица, в частности противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления, признается смягчающим обстоятельством в силу п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ, а совершение преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, а также в отношении малолетнего, другого беззащитного или беспомощного лица либо лица, находящегося в зависимости от виновного, — отягчающим наказанием обстоятельством (п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Потерпевший от преступления признается знаковой фигурой в различных правовых системах. О ее весомости в уголовном праве европейских стран можно судить по позиции шведского и испанского законодателей. Например, в соответствии со ст. 7 гл. 24 «Об общих основаниях освобождения от уголовной ответственности» части второй «О преступлениях» Уголовного кодекса Швеции «деяние, совершенное одним лицом с согласия другого лица, в отношении которого оно было направлено, образует преступление, только если оно, ввиду характера вреда, насилия или опасности, которую оно повлекло, его цели и других обстоятельств, не является оправданным» [18, с. 200], а согласно ст. 6 гл. 12 «О преступлениях, причиняющих ущерб» той же части названного уголовного закона, «нарушение владения или избрание незаконного пути, если они нарушают только право частного лица, будут преследоваться государственным обвинителем только в том случае, если преследование необходимо в интересах общества»⁵ [там же, с. 97]. Среди ученых Швеции следует назвать Anna Wergens, подчеркивающую важность процессов законодательного и научного осмысления категории «потерпевший от преступления» [19].

В испанском уголовном законодательстве значимое место занимают потерпевший и его согласие. От потерпевшего может зависеть ре-

⁵ Brottsbalk (1962:700). URL: http://riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/brottsbalk-1962700_sfs-1962-700.

шение вопроса об уголовной ответственности виновного в преступлении лица. В ст. 130 гл. I «Основание прекращения уголовной ответственности» разд. VII «Прекращение уголовной ответственности» кн. I «Общие положения о преступлениях и проступках, лицах, подлежащих уголовной ответственности, наказаниях, мерах безопасности и других последствиях совершения уголовных правонарушений» Уголовного кодекса Испании в качестве одного из оснований прекращения уголовной ответственности названо прощение потерпевшим, которое «должно быть высказано в ясно выраженной форме до начала исполнения наказания. В соответствии с этим Суд или Трибунал заслушивает потерпевшего после вынесения приговора, до начала исполнения наказания» [20, с. 48].

Исследователи и других зарубежных стран большое внимание уделяют проблеме жертв преступлений, в частности с позиции теории разбитых окон и англосаксонской доктрины крепости. Так, Erin Sheley через призму теории разбитых окон анализирует сексуальные преступления и поведение их жертв [21], а Cristina G. Messerschmidt с точки зрения доктрины крепости изучает поведение жертв домашнего и иных видов насилия и считает, что данная доктрина должна единообразно применяться независимо от личных (брак, сожительство и т.д.) или служебных отношений между жертвой и нападавшим [22, р. 625].

С учетом изложенного есть основания утверждать, что без потерпевшего утрачивается смысл существования уголовного закона и, как следствие, уголовного права в целом.

С научной точки зрения важно сделать акцент на том, что исследование множественности потерпевших от преступлений (наряду с множественностью преступлений и множественностью участников преступления) в системе феномена множественности обусловлено задачами уголовного права, наполняет новым смысловым содержанием институт множественности в уголовном праве, придает ему завершенность, выводит на новый уровень познания. Данный подход учитывает современные тенденции комплексных научных исследований и открывает возможности предстать институту множественности в более глобальном масштабе, нежели множественность преступлений — традиционный в сфере российского уголовного права формат множественности.

Расширение уголовно-правового пространства феномена множественности пред-

ставляется возможным не только через призму потерпевших от преступления, но и с помощью множественности участников преступления, что следует признать оправданным с точки зрения единого стержня, связующего звена всех его составляющих — преступления. В концепциях соучастия в преступлении множественность его участников изучается лишь с точки зрения одного из признаков названного института. Так, Р.Р. Галиакбаров, А.П. Козлов и другие правоведы отмечают значимость данного признака для уяснения существа института соучастия [23; 24]. Поэтому познание участников преступления в контексте института множественности сможет придать новое качество научным исследованиям.

Объединяющим началом множественности преступлений, множественности участников преступления и множественности потерпевших от преступления, своего рода платформой служит преступление, которое имеет, образно говоря, две стороны одной медали. Одной из таких сторон является лицо, совершившее преступление, другой — потерпевший от преступления. Ключевой, солидаризирующей категорией укрупненного таким образом уголовно-правового института выступает множественность, охватывающая преступления, их участников (как в рамках института соучастия, так и за его пределами⁶), а также потерпевших от преступления.

В завершение постановки вопроса необходимости познания института множественности в более глобальном измерении важно заострить внимание на ряде наиболее значимых для законодательной и правоприменительной практики, а также теории уголовного права положений. Во-первых, потерпевший не может не входить в систему уголовно-правовых отношений; без потерпевшего утрачивается смысл существования уголовного закона и, как следствие, уголовного права в целом, ибо первоочередная задача уголовного закона России — защитить, охранить от преступных посягательств. Во-вторых, представляется целесообразным изучение явления множественности в уголовном праве с учетом процессов интеграции. Множественность преступлений может сочетаться с множественностью потер-

⁶ Речь идет о многосубъектных преступлениях без признаков соучастия. Данный вопрос поднимался, например, в трудах Р.Р. Галиакбарова [25], Л.М. Прокументова [26, с. 154] и других исследователей.

певших от преступлений; «сплав» подобного рода отличается повышенной степенью общественной опасности не только содеянного, но и личности преступника, так как одним лицом причиняется вред двумя и более преступниками нескольким потерпевшим. Общественная опасность преступления достигает своего пика

при схождении в одной точке множественности деяний, множественности их участников и множественности потерпевших от этих деяний. В-третьих, включение потерпевшего в систему множественности позволит поднять на должный уровень его значимость для российского уголовного права.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эбзеев Б.С. Актуальные проблемы реализации Конституции России 1993 года / Б.С. Эбзеев // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2018. — № 1 (120). — С. 20–27.
2. Флетчер Дж. Основные концепции современного уголовного права / Дж. Флетчер, А.В. Наумов. — Москва : Юрист, 1998. — 512 с.
3. Лунеев В.В. Эпоха глобализации и преступность / В.В. Лунеев. — Москва : Норма, 2007. — 272 с.
4. Гордиенко В.В. Безопасность России в условиях глобализации (криминологические и социально-правовые проблемы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В.В. Гордиенко. — Москва, 2005. — 61 с.
5. Ишигеев В.С. Криминальный рынок труда как неотъемлемый элемент современной преступности / В.С. Ишигеев, А.А. Протасевич // Человек. Социум. Развитие : сб. науч. тр. / отв. ред. Е.А. Колодина. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. — С. 159–162.
6. Малков В.П. Избранные труды. В 3 т. Т. 3 / В.П. Малков. — Казань : Познание, 2011. — 324 с.
7. Мартыненко Н.Э. Уголовно-правовая охрана потерпевшего : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Н.Э. Мартыненко. — Москва, 2015. — 508 с.
8. Виктимологическая характеристика региональной преступности и ее предупреждение / С.А. Корягина, Ж.В. Островских, А.Л. Репецкая [и др.] ; под ред. А.Л. Репецкой. — Москва : Academia, 2009. — 304 с.
9. Задорожный В.И. Концептуальные основы виктимологической профилактики преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В.И. Задорожный. — Москва, 2006. — 606 с.
10. Варчук Т.В. Теория виктимологического моделирования и ее развитие в российской криминологической науке и практике предупреждения преступности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Т.В. Варчук. — Москва, 2013. — 47 с.
11. Offender Profiling: Theory, Research and Practice / ed. J.L. Jackson, D.A. Bekerian. — New York : John Wiley & Sons, 1997. — 254 p.
12. Ainsworth P. Offender Profiling and Crime Analysis / P. Ainsworth. — New York : Willan Publishing, 2001. — 208 p.
13. Лопашенко Д.В. Частное в уголовном праве через призму теории правоотношений / Д.В. Лопашенко // Человек: преступление и наказание. — 2014. — № 2 (85). — С. 146–149.
14. Ной И.С. Уголовное правоотношение — одна из важных юридических гарантий конституционных прав и свобод советских граждан / И.С. Ной // Личность преступника и уголовная ответственность. Правовые и криминологические вопросы : межвуз. науч. сб. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1979. — Вып. 1. — С. 3–28.
15. Разгильдиев Б.Т. Социальная результативность уголовного законодательства России и ее виды / Б.Т. Разгильдиев // Право. Законодательство. Личность. — 2014. — № 2 (19). — С. 116–122.
16. Goshe S. The Lurking Punitive Threat: The Philosophy of Necessity and Challenges for Reform / S. Goshe // Theoretical Criminology. — 2019. — Vol. 23, № 1. — P. 25–42.
17. Анисимкова Н.В. Возмещение вреда, причиненного преступлением: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты проблемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н.В. Анисимкова. — Ставрополь, 2008. — 23 с.
18. Уголовный кодекс Швеции / науч. ред. Н.Ф. Кузнецова, С.С. Беляев. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2001. — 304 с.
19. Wergens A. Ett viktimologiskt forskningsprogram. Presenterat 2002: Bakgrund och nuläge / A. Wergens. — Umeå : Åströms Tryckeri AB, 2002. — 122 s.
20. Уголовный кодекс Испании / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Ф.М. Решетникова. — Москва : Зерцало, 1998. — 213 с.
21. Sheley E. A Broken Windows Theory of Sexual Assault Enforcement / E. Sheley // Journal of Criminal Law and Criminology. — 2018. — Vol. 108, iss. 3. — P. 455–510.
22. Messerschmidt C.G. A Victim of Abuse Should Still Have a Castle: The Applicability of the Castle Doctrine to Instances of Domestic Violence / C.G. Messerschmidt // Journal of Criminal Law and Criminology. — 2018. — Vol. 106, iss. 3. — P. 593–625.
23. Галиакбаров Р.Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации / Р.Р. Галиакбаров. — Краснодар : КубГАУ, 2000. — 200 с.
24. Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность / А.П. Козлов. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2001. — 362 с.
25. Галиакбаров Р.Р. Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия : учеб. пособие / Р.Р. Галиакбаров. — Хабаровск : ХВШ МВД СССР, 1987. — 96 с.
26. Прокументов Л.М. Групповое преступление в науке уголовного права и действующем уголовном законодательстве России / Л.М. Прокументов. — DOI: 10.17223/23088451/11/30 // Уголовная юстиция. — 2018. — № 11. — С. 152–155.

REFERENCES

1. Ebzeev B.S. Current Problems of the Implementation of the 1993 Constitution of Russia. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of Saratov State Law Academy*, 2018, no. 1 (120), pp. 20–27. (In Russian).
2. Fletcher D., Naumov A.V. *Osnovnye kontseptsii sovremennogo ugovornogo prava* [Key Concepts of Contemporary Criminal Law]. Moscow, Yurist" Publ., 1998. 512 p.

3. Luneev V.V. *Epokha globalizatsii i prestupnost'* [The Epoch of Globalization and the Crime]. Moscow, Norma Publ., 2015. 272 p.
4. Gordienko V.V. *Bezopasnost' Rossii v usloviyakh globalizatsii (kriminologicheskie i sotsial'no-pravovye problemy)*. Avtoref. Kand. Diss. [Security of Russia in the conditions of globalization (criminological and socio-legal problems). Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2005. 61 p.
5. Ishigeev V.S., Protasevich A.A. Criminal Labor Market as an Integral Element of Contemporary Crime. In Kolodina E.A. (ed.). *Chelovek. Sotsium. Razvitiye* [Human. Society. Development]. Irkutsk, Baikal State University of Economics and Law Publ., 2014, pp. 159–162. (In Russian).
6. Malkov V.P. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Kazan, Poznanie Publ., 2011. Vol. 3. 324 p.
7. Martynenko N.E. *Ugolovno-pravovaya okhrana poterpevshego*. Dokt. Diss. [Criminal law protection of the victim. Doct. Diss.]. Moscow, 2015. 508 p.
8. Koryagina S.A., Ostrovskikh Zh.V., Repetskaya A.L., Sinkov D.V., Sudakova T.M.; Repetskaya A.L. (ed.). *Viktimologicheskaya kharakteristika regional'noi prestupnosti i ee preduprezhdenie* [Victimological Characteristics of Regional Crime and its Prevention]. Moscow, Academia Publ., 2009. 304 p.
9. Zadorozhnyi V.I. *Kontseptual'nye osnovy viktimologicheskoi profilaktiki prestuplenii*. Dokt. Diss. [Conceptual Basis of Victimological Crime Prevention. Doct. Diss.]. Moscow, 2006. 606 p.
10. Varchuk T.V. *Teoriya viktimologicheskogo modelirovaniya i ee razvitiye v kriminologicheskoi nauke i praktike preduprezhdeniya prestupnosti*. Avtoref. Kand. Diss. [The Theory of Victimological Modeling and its Development in Criminological Science and the Practice of Crime Prevention. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2013. 47 p.
11. Jackson J.L., Bekerian D.A. (eds.). *Offender Profiling: Theory, Research and Practice*. New York, John Wiley and Sons, 1997. 254 p.
12. Ainsworth P. *Offender Profiling and Crime Analysis*. New York, Willan Publishing, 2001. 208 p.
13. Lopashenko D.V. The Particular in Criminal Law in the Light of the Theory of Legal Relationship. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Human: Crime and Punishment*, 2014, no. 2 (85), pp. 146–149. (In Russian).
14. Noi I.S. Criminal legal relation as one of the key legal guarantees of constitutional rights and freedoms of Soviet citizens. *Lichnost' prestupnika i ugolovnaya otvetstvennost'* [Character of Offender and Criminal Responsibility]. Saratov State University Publ., 1979, iss. 1, pp. 53–63. (In Russian).
15. Razgildiev B.T. Social Effectiveness of the Criminal Legislation of the Russian Federation and its Types. *Pravo. Zakonodatel'stvo. Lichnost' = Law. Legislation. Person*, 2014, no. 2 (19), pp. 116–122. (In Russian).
16. Goshe S. The Lurking Punitive Threat: The Philosophy of Necessity and Challenges for Reform. *Theoretical Criminology*, 2019, vol. 23, no. 1, pp. 25–42.
17. Anisimkova N.V. *Vozmeshchenie vreda, prichinnogo prestupleniem: ugolovno-pravovoi i ugolovno-ispolnitel'nyi aspekty problemy*. Avtoref. Kand. Diss. [Compensation of damage caused by a crime: criminal law and penitentiary aspects of the problem. Cand. Diss. Thesis]. Stavropol, 2008. 23 p.
18. Kuznetsova N.F., Belyaev S.S. (eds.). *Ugolovnyi kodeks Shvetsii* [The Swedish Penal Code]. Saint Petersburg, Yuridicheskii Tsentr Press Publ., 2001. 304 p.
19. Wergens A. *Ett viktimologiskt forskningsprogram. Presenterat 2002: Bakgrund och nuläge*. Umeå, Åströms Tryckeri AB, 2002. 122 s.
20. Kuznetsova N.F., Reshetnikova F.M. (eds.). *Ugolovnyi kodeks Ispanii* [Spanish Criminal Code]. Moscow, Zertsalo Publ., 1998. 213 p.
21. Sheley E. A Broken Windows Theory of Sexual Assault Enforcement. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 2018, vol. 108, iss. 3, pp. 455–510.
22. Messerschmidt C.G. A Victim of Abuse Should Still Have a Castle: The Applicability of the Castle Doctrine to Instances of Domestic Violence. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 2018, vol. 106, iss. 3, pp. 593–625.
23. Galiakbarov R.R. *Bor'ba s gruppovymi prestupleniyami. Voprosy kvalifikatsii* [Counteracting Group Crimes. Issues of Qualification]. Krasnodar, Kuban State Agrarian University Publ., 2000. 200 p.
24. Kozlov A.P. *Souchastie: traditsii i real'nost'* [Complicity: Traditions and Reality]. Saint Petersburg, Yuridicheskii Tsentr Press Publ., 2001. 362 p.
25. Galiakbarov R.R. *Kvalifikatsiya mnogosub'ektnykh prestuplenii bez priznakov souchastiya* [Qualification of Multi-Subject Crimes without Indicators of Complicity]. Khabarovsk Higher School of the Ministry of Internal Affairs USSR Publ., 1987. 96 p.
26. Prozumentov L.M. Group Crime in the Criminal Law and Current Russian Criminal Legislation. *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*, 2018, no. 11, pp. 152–155. DOI: 10.17223/23088451/11/30. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Верина Галина Владимировна — профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, доцент, г. Саратов, Российская Федерация; e-mail: GV.Verina@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Verina, Galina V. — Professor, Chair of Criminal and Penitentiary Law, Saratov State Law Academy, Doctor of Law, Ass. Professor, Saratov, the Russian Federation; e-mail: GV.Verina@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Верина Г.В. Институт множественности в уголовном праве: постановка проблемы глобального измерения / Г.В. Верина — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(6).1002-1009 // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 6. — С. 1002–1009.

FOR CITATION

Verina G.V. Institute of multiplicity in criminal law: stating the problem in its global dimension. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 6, pp. 1002–1009. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(6).1002-1009. (In Russian).